

Давид Юм О ТОРГОВОМ БАЛАНСЕ

*Hume David
Of the Balance of Trade*

В странах, где не знают природы экономики, принято запрещать экспорт товаров, удерживая в своей стране все, что считается ценным и полезным. В этих странах не понимают, что при таком запрете они действуют в направлении, прямо противоположном их намерениям; и что чем больше экспортируется товаров, тем больше будет произведено внутри страны, и они всегда самыми первыми будут получать их.

Образованным людям хорошо известно, что древнее право Афин поставило экспорт фигов в ряд преступлений. Этот вид фруктов считался настолько превосходным в Аттике, что афиняне полагали, что он слишком хорош для любого иноземца. И к этому нелепому запрету они относились настолько серьезно, что доносчики стали называться сикофантами, от греческих слов, обозначающих фиго и человека, который раскрывает что-либо. Во многих старых актах парламента имеются доказательства такого же незнания природы торговли, особенно во времена правления Эдварда III. И до сего дня во Франции экспорт зерна частенько под запретом: так, говорят сами французы, легче предотвратить голод. Хотя очевидно, ничто так не способствует частому голоду, как запрет на вывоз зерна. Именно он и наносит ущерб этой плодородной стране.

Точно такой же ревностный страх в отношении денег господствует и среди некоторых стран. Необходимо обладать разумом и опытом, чтобы убедить людей в том, что подобные запреты не служат никакой иной цели, кроме увеличения курса иностранной валюты и дальнейшего роста объема экспорта.

Эти ошибки, можно сказать, велики и очевидны. Но даже те страны, у которых все хорошо с экономикой, не лишены предрассудков относительно торгового баланса и страхов, что все их золото и серебро покинет страну. Мне кажется, что почти в любом случае это лишь беспочвенное опасение. Выходит, в равной степени следует опасаться и того, что иссякнут все источники и реки, и того, что деньги покинут королевство, где есть люди и промышленность.

Давайте бережно сохранять эти богатства — людей и промышленность, и нам никогда не придется бояться потерять деньги.

Легко заметить, что все расчеты, касающиеся торгового баланса, основаны на очень неопределенных фактах и предположениях. Книги таможенного учета не могут считаться достаточным основанием; не лучшим основанием является и курс валюты, если только мы не изучаем его в отношениях со всеми странами и если не знаем также относительной доли каждой из переведенных сумм, что наверняка знать невозможно. Каждый, кто когда-либо размышлял на эту тему, всегда подтверждал свою теорию — какова бы она ни была — фактами и расчетами, перечислением всех товаров, отправленных во все зарубежные страны.

Работы Ги (Gee) вызвали в стране всеобщую панику, когда все ясно и со всеми подробностями увидели, что торговый баланс был не в их пользу на такую значительную сумму, что это должно было оставить их без единого шиллинга на ближайшие пять или шесть лет. Но, к счастью, с тех пор прошло двадцать лет, в течение которых мы вели дорогостоящую войну за рубежом; и все полагают, что денег у нас еще больше, чем в предшествующий период.

Ничто не может быть более увлекательным в этом отношении, чем работы доктора Свифта; этот автор очень быстро распознает ошибки и нелепые утверждения. В своем кратком обзоре положения Ирландии он говорит, что все деньги этого королевства ранее составляли лишь 500 тыс. единиц; что из этой суммы ирландцы перечисляли ежегодно целый миллион в Англию и едва ли имели другой источник, за счет которого они могли компенсировать свои расходы. У них практически не было иной внешней торговли, кроме импорта французских вин, за которые они платили наличные деньги. Следствием этой ситуации, которую следует признать неблагоприятной, было то, что в течение трех лет денежные средства Ирландии с 500 тыс. сократились до менее чем 2000. И в настоящее время, я полагаю, по прошествии 30 лет абсолютно ничего не осталось. Кроме того, я не знаю, каким образом до сих пор сохраняется мнение об увеличении богатства в Ирландии, которое вызвало такое негодование профессора, и каким образом это мнение находит поддержку среди уймы людей.

Итак, эти представления о неверном торговом балансе оказываются таковы, что сами разоблачают себя, когда автор не согласен с кабинетом министров или находится в подавленном настроении; и поскольку их никогда нельзя опровергнуть конкретными деталями в отношении всего экспорта, который уравнивает импорт, здесь может быть уместен один общий аргумент. Этот аргумент заключается в том, что можно подтвердить невозможность такого исхода, пока мы сохраняем людей и промышленность.

Предположим, что четыре пятах всех денег Великобритании были уничтожены за одну ночь, и страна скатилась к такому же состоянию в отношении денег, какое было в правление Генрихов и Эдуардов. Каковы будут последствия? Не должны ли пропорционально сократиться цены на труд и на все товары, не должно ли все продаваться по таким же низким ценам, как и в те времена? Какая бы страна смогла поспорить с нами на внешнем рынке или претендовать на то, чтобы направлять или продавать товары по той же цене, которая давала бы нам достаточную прибыль? А значит, насколько быстро мы бы получили назад те деньги, которые мы потеряли, и поднялись бы до уровня всех соседних стран? После того, как мы поднимемся до их уровня, мы немедленно потеряем наши преимущества дешевого труда и товаров; и дальнейший приток денег будет остановлен нашей полнотой и перенасыщением.

Опять-таки, предположим, что все деньги Великобритании за ночь увеличились в пять раз. Не должно ли это привести к противоположному результату? Не должны ли труд и все товары подорожать до такого непомерного уровня, что ни одна соседняя страна не сможет позволить себе покупать товары у нас. С другой стороны, их товары стали бы сравнительно дешевыми, так что, несмотря на все законы, которые они могли бы издать, они работали бы на нас, и отток наших денег был бы неизбежен. Тогда мы дойдем до уровня наших соседей, и потеряем превосходство в отношении богатства, которое поставило нас в такое неблагоприятное положение.

Итак, очевидно, что те же причины, которые исправили бы эти непомерные неравенства, если бы последние случайно произошли, должны были бы предотвратить их появление по самой природе и всегда во всех соседних странах удерживать деньги на уровне, соответствующем состоянию ремесла и промышленности каждой страны. Вся вода, куда бы они ни текла, остается всегда на одном уровне. Спросите о причинах этого у натуралистов. Они скажут вам, что, если бы вода где-нибудь в одном месте поднялась, то из-за более высокого давления в этой части реки уровень воды должен был начать снижаться, и так — пока не возобновится равновесие; и что та же причина, которая исправляет неравновесное положение, если оно случается, должна всегда предотвращать его появление в отсутствие какого-либо отчаянного внешнего воздействия.¹

Можно ли представить себе, если бы это было возможно по какому-то закону, или даже с помощью какого-то ремесла или промышленности, чтобы все деньги, которые галеоны привезли из Индии, оставались в Испании? Или чтобы все товары могли продаваться во Франции за десятую часть той цены, по которой они могли бы быть проданы по другую сторону Пиренеев, не находя пути туда и убегая из этой необъятной сокровищницы? По какой же иной причине, кроме той, что невозможно накопить денег сверх меры так же, как поднять уровень воды в реке выше определенного уровня, в настоящее время все страны выигрывают в торговле с Испанией и Португалией? Правители этих стран продемонстрировали, что они не имели намерения удерживать золото и серебро у себя, даже если бы это и было в какой-то мере возможно.

Однако «вода может выходить из берегов», если отсутствует сообщение с океаном. Так же и в случае денег: если сообщение прервано посредством каких-либо материальных или физических препятствий (любые законы сами по себе не дают нужных результатов), тогда может возникнуть огромная разница в отношении денег. Так, огромное расстояние до Китая, а также монополия наших индийских компаний, создавая препятствия сообщению между нашими странами, сохраняют в Европе золото и серебро, особенно последнее, в гораздо большем количестве, чем имеется в этой стране. Но, несмотря на это огромное препятствие, последствия упомянутых выше причин, очевидны. Возможно, что касается ручных ремесел и мануфактурного производства, то уровень навыков и мастерства по Европе в целом превосходит их уровень в Китае; но мы никогда не сможем торговать с Китаем без значительного ущерба для себя. И если бы не постоянный приток из Америки, количество денег уменьшалось бы в

¹ Есть еще одна причина, хотя и более ограниченная по сфере действия, которая сдерживает неправильный торговый баланс по отношению к каждой стране, с которой торгует королевство. Когда мы импортируем больше товаров, чем экспортируем, валютный курс работает против нас, и это становится еще одним стимулом для экспорта; в такой сумме, которую составляет плата за необходимую перевозку и страхование денег. Ибо валютный курс никогда не может подняться выше этой суммы.

Европе и увеличивалось в Китае, пока не достигло бы примерно одинакового уровня и там и там. Ни один разумный человек не может сомневаться в том, что эта трудолюбивая нация, если бы она располагалась так же близко к нам, как Польша или Северная Африка, лишила бы нас излишков звонкой монеты и оттянула бы на себя большую часть богатств Вест-Индии. Нам не обязательно обращаться к физической привлекательности, чтобы объяснить необходимость этого. Существует моральная привлекательность, возникающая на основе интересов и пристрастий людей, которая столь же сильна и безусловна.

Что же удерживает равновесие между отдельными провинциями каждого королевства, как не действие этого принципа, не позволяющего деньгам выйти за пределы определенного уровня и подняться или опуститься непропорционально трудовым ресурсам и товарам, которые есть в каждой провинции? Разве большой опыт не успокоил людей на сей счет? Ведь какое множество мрачных предчувствий может возникнуть у печального йоркширца, когда он прикидывает в уме суммы денег, изъятые Лондоном посредством налогов, отъезжающих людей, товаров, и насколько по сравнению с этим в его глазах ничтожно движение в обратном направлении? Несомненно, если бы в Англии еще существовал Союз семи государств англов и саксов, законодательную власть каждого государства постоянно тревожил бы страх неблагоприятного баланса. И поскольку, возможно, взаимная ненависть этих государств была бы чрезвычайно сильна из-за их близкого соседства, они бы обременяли и угнетали всю экономику своей ревностной и ненужной осторожностью. С тех пор, как Союз устранил барьеры между Шотландией и Англией, какая из этих стран выиграла за счет этой свободной торговли? Или разве можно обоснованно отнести увеличение богатства первого королевства на счет чего-либо иного, кроме как его ремесла и промышленности? До создания Союза в Англии все признавали, как мы знаем от аббата дю Бо, что Шотландия вскоре исчерпала бы свою казну, если бы была разрешена свободная торговля; на другой стороне Твида преобладало противоположное мнение. Которое из них справедливо — показало время.

То, что происходит с небольшой частью человечества, должно происходить и в более крупном масштабе. Провинции Римской империи, несомненно, удерживали равновесие между собой и в отношениях с Италией, независимо от законодательной власти; так же и различные страны, входящие в состав Великобритании, или различные округа каждой страны. И любой человек, который путешествует по Европе в эти дни, может увидеть по ценам на товары, что деньги, несмотря на абсурдную подозрительность принцев и государств, находятся примерно на одном уровне; и что различия между королевствами в этом отношении зачастую не больше, чем между различными провинциями одного и того же королевства. Люди, разумеется, стекаются в столицы, морские порты и к судоходным рекам. Здесь больше людей, больше промышленности, больше товаров, и, следовательно, больше денег. Но разница в деньгах и во всем остальном пропорциональна, и общий уровень сохраняется неизменным.²

² Следует особо отметить, что во всех рассуждениях, где бы я ни говорил об уровне денег, я всегда подразумеваю пропорциональный уровень денег производству, труду, промышленности и навыкам в различных государствах. И я утверждаю, что если в одной стране этих преимуществ в два, три, четыре раза больше по сравнению с соседними странами, денег там неизбежно также будет вдвое, втрое, вчетверо больше. Единственным обстоятельством, которое может помешать точности соблюдения этих пропорций, являются расходы на транспортировку товаров из одного места в другое; и эти расходы иногда не равны. Так, зерно, скот, сыр, масло из Дербишира не могут отвлечь деньги из Лондона, так же как промышленные товары из Лондона — отвлечь деньги из Дербишира. Но это препятствие лишь

Наша подозрительность и наша ненависть к Франции безграничны; и, по крайней мере, первое чувство следует признать оправданным и обоснованным. Эти чувства воздвигли бесчисленные барьеры и препятствия на пути торговли, и нас обычно обвиняют в том, что мы являемся агрессорами. Но что мы выиграли от такой торговли? Мы потеряли французский рынок шерстяной мануфактуры и передали право торговли вином Испании и Португалии, где мы покупаем худшие напитки по более высокой цене. Мало англичан, которые не сочли бы свою страну абсолютно поверженной, продавайся в Англии французские вина так дешево и в таком изобилии, чтобы до некоторой степени вытеснить домашние ликеры и весь эль. Но если бы мы оставили в стороне наши предубеждения, было бы нетрудно доказать, что ничто не может быть более безвредным, а возможно, даже и выгодным. Каждый новый акр виноградников, возделанный во Франции, чтобы поставить вино в Англию, потребует, чтобы взамен французы покупали продукцию с одного английского акра, засеянного пшеницей или ячменем. Очевидно, что, таким образом, мы должны обладать лучшими товарами.

Французский король выпустил множество эдиктов, которые запрещают насаждение новых виноградников и предписывают выкорчевать те, что были посажены в последнее время: настолько чувствительны они, в этой стране, к более высокой стоимости зерна по сравнению со всеми остальными продуктами.

Маршал Вобан зачастую жалуется, и вполне обоснованно, на абсурдные пошлины, которыми облагается ввоз вин Лангедока, Гиены и других южных провинций, которые импортируются в Бретань и Нормандию. Он не питал никаких сомнений, что эти провинции (Бретань и Нормандия) могли бы сохранить свой баланс, несмотря на введение открытой торговли, которую он рекомендует. И очевидно, что еще несколько лиг³ перевозки по морю в Англию не играли бы никакой роли, а если бы и играли, то это должно распространяться на все товары в обоих королевствах.

В действительности есть одно средство, с помощью которого можно уменьшить количество денег по сравнению с их естественным уровнем в королевстве, и есть средство, с помощью которого их можно увеличить. Однако эти случаи по их изучении будут укладываться в нашу общую теорию и тем самым увеличивать доверие к ней.

Едва ли я знаю какой-либо другой метод уменьшения количества денег ниже установившегося уровня, кроме учреждения банков, фондов и бумажного кредита, которые столь широко практикуются в нашем королевстве. Они вводят бумажный эквивалент денег, способствуют его обращению во всем государстве, замещают им золото и серебро, повышают пропорционально цены на труд и товары и, таким образом, либо изымают большую часть этих благородных металлов, либо препятствуют их дальнейшему росту. Что может быть более невиданным, чем наши аргументы в защиту по этому поводу? Поскольку мы понимаем, что каждый отдельный человек был бы гораздо богаче, если бы его запасы денег удвоились, то же самое стало бы и с государством, если бы запасы денег каждого человека увеличились. Однако при этом мы не учитываем, что одновременно это увеличило бы цены на все товары и сразу же низвело каждого человека до такого же состояния, как и ранее. Только в публичных взаимоотношениях и в сделках с иностранцами большие запасы денег представляют собой преимущество. Поскольку наши запасы бумажных денег абсолютно незначительны, кажущееся: поскольку, пока транспортировка товаров является дорогостоящей, сообщение между различными местами затруднено и несовершенно.

³ 1 лига = 4,83 км = 3 мили

мы ощущаем, таким образом, все негативные последствия, вытекающие из изобилия денег, не пожиная каких-либо выгод.

Предположим, что имеется 12 млн бумажек, которые обращаются в королевстве в качестве денег (поскольку мы не обязаны представлять, что все наши огромные средства используются в такой форме), и предположим, что реальная наличность королевства составляет 18 миллионов: это государство, которое, исходя из опыта, способно держать запас денег в сумме 30 миллионов. Я утверждаю, что если оно способно держать такой запас, оно неизбежно должно было приобрести его в золоте и серебре, если бы мы не препятствовали ввозу этих металлов посредством этого изобретения бумажных денег. Откуда бы мы получили эту сумму? Из всех королевств мира. Но почему? Потому что, если вы исключите эти 12 млн, деньги в государстве будут находиться ниже уровня денег наших соседей; и мы должны будем немедленно изымать их у других стран, пока, так сказать, не наполним и не насытим собственное государство и уж не сможем удерживать большую сумму. При нашей нынешней политике мы должны так же осторожно наполнять страну этим прекрасным товаром в виде банковских векселей и чеков, как если бы мы боялись переполнения благородными металлами.

Не следует сомневаться, что огромное количество золота и серебра во Франции своим существованием в значительной мере обязано нехватке бумажных денег. Во Франции нет банков: коммерческие векселя не обращаются там так, как у нас, ростовщичество или кредитование под проценты прямо не разрешены; так что многие хранят крупные суммы денег в своих сундуках. В частных домах используется огромное количество посуды из благородных металлов, и все церкви полны ею. Таким образом, запасы и труд у них остаются дешевле, чем в странах, которые не имеют и половины этого богатства в виде золота и серебра. Преимущества такого положения с точки зрения торговли, а также при крупных чрезвычайных бедствиях слишком очевидны, чтобы обсуждать их.

Мода, которая до сих пор сохраняется в Англии и Голландии, еще несколько лет назад существовала в Генуе. Она заключается в использовании вместо столовых приборов китайского фарфора, но их Сенат, предвидя последствия, запретил использование такого хрупкого товара вне определенных границ. Использование серебряной посуды никогда не ограничивалось. И я полагаю, в их недавних бедствиях они ощутили хорошие результаты этого законодательного акта. Наш налог на столовые приборы, возможно, в этом отношении несколько неразумен.

До введения бумажных денег в наших колониях те располагали запасами золота и серебра, достаточными для их обращения. С момента введения этого товара, единственным неудобством, которое последовало за этим, было тотальное изгнание благородных металлов. И после отмены бумажных денег, можно не сомневаться, деньги вернуться, пока эти колонии располагают промышленностью и товарами — тем единственным, что представляет ценность в экономике, и ради чего все люди желают иметь деньги.

Как жаль, что Ликург не подумал о бумажном кредите, когда хотел изгнать золото и серебро из Спарты! Такая мера послужила бы этой цели лучше, чем обилие железа, которое он использовал в качестве денег. К тому же эта мера более эффективно препятствовала бы любой торговле с иностранцами, поскольку бумажные деньги обладают гораздо меньшей реальной и внутренне присущей им стоимостью.

Следует, однако, признать, что, поскольку все эти вопросы торговли и денег чрезвычайно сложны, существуют определенные точки зрения, с которых можно рассматривать

эту тему, чтобы представить преимущества бумажного кредита и банков по сравнению с их недостатками. То, что они устраняют звонкую монету и слитки металлов из страны, несомненно, верно; и тот, кто не заглядывает дальше этого, вполне может порицать их. Но не такую великую роль играют звонкая монета и слитки, чтобы не допускать компенсации или даже избытка в результате роста промышленности и кредита, которому может способствовать правильное использование бумажных денег. Прекрасно известно, каким преимуществом для купца является то, что он может дисконттировать свои векселя при необходимости. И все, что способствует этому, считается благоприятным для общего состояния экономики в государстве. Но частные банкиры не способны предоставлять такой кредит за счет того кредита, который они получают в результате депонирования денег в их конторы; и банк Англии точно так же не может делать этого из-за той свободы, которой он обладает при выпуске векселей при всех видах платежей. С недавних пор изобретением такого рода могут хвастать банки Эдинбурга; и, поскольку это одна из наиболее гениальных идей, которые были реализованы в сфере экономики, она считается выгодной для всей Шотландии. Это называется банковский кредит, и он является таковым по своему характеру. Человек приходит в банк и получает гарантию на определенную сумму, предположим, на тысячу фунтов. Эти деньги или часть из них он может снять, когда пожелает. И, пока они находятся у него на руках, он платит только обычные проценты за них. Он может, когда пожелает, погасить любую сумму, даже столь маленькую, как двадцать фунтов, и проценты перестают начисляться с даты погашения. Преимущества такого изобретения весьма многообразны. Поскольку человек может получить гарантию примерно на сумму прожиточного минимума и его банковский кредит эквивалентен наличным деньгам, купец, таким образом, оплачивает свой дом, мебель, товары на складе, суммы за границей, причитающиеся ему, и свои суда на море. Он может, при необходимости, использовать его во всех платежах, как будто это деньги данной страны. Если человек занимает тысячу долларов у частного лица, помимо того, что их не всегда можно найти, когда требуется, он выплачивает проценты на эту сумму, независимо от того, пользуется он ею или нет. Банковский кредит не стоит ему ничего, за исключением именно того периода, когда он пользуется им. И это обстоятельство имеет такое же преимущество, как будто он занял деньги под гораздо меньшие проценты. Купцы с момента этого изобретения получили больше возможностей поддерживать кредит друг друга, что является существенной гарантией от банкротств. Человек, когда его банковский кредит исчерпан, идет к кому-либо из своих соседей, кто не находится в таком же положении, и получает деньги, которые он возвращает, когда ему удобно.

После того, как такая практика несколько лет просуществовала в Эдинбурге, несколько компаний купцов в Глазго пошли еще дальше. Они объединились в различные банки и выпустили векселя на такие маленькие суммы, как десять шиллингов, которые они использовали во всех платежах за товары, мануфактуру, различного рода труд. И эти векселя, учитывая общепризнанное доверие к этим компаниям, использовались в качестве денег во всех платежах по всей стране. Таким образом, 5 тыс. фунтов смогли выполнять те же функции, что и 6, и 7 тыс. Благодаря этому купцы могли вести торговлю в более крупных масштабах, и во всех их сделках им требовалась меньшая прибыль. Но помимо всех остальных преимуществ, которые вытекают из этих изобретений, следует также признать и то, что кроме значительного облегчения кредитования, что является опасным, они устраняют благородные металлы. И ничто не может являться более очевидным доказательством этого, чем сравнение прошлого

и нынешнего состояния Шотландии в этом отношении. При пересчете денег после объединения выяснилось, что в этой стране — примерно миллион звонкой монеты. Но, несмотря на значительный рост богатства, торговли и производства различного рода, считается, что даже тогда, когда нет чрезвычайного изъятия денег со стороны Англии, наличные деньги сейчас не составят и трети этой суммы.

Поскольку наши проекты бумажного кредита являются почти единственным средством, с помощью которого мы можем опустить количество денег ниже настоящего уровня, то, по моему мнению, единственным средством, с помощью которого мы можем поднять денежную массу выше настоящего уровня, является практика, которую мы все должны объявить разрушительной, а именно — сосредоточение крупных сумм в общественной казне, блокирование их и абсолютное изъятие из обращения. Жидкость, не сообщаящаяся с окружающей средой, может посредством такой хитрости подняться до той высоты, до которой мы пожелаем. Чтобы подтвердить это, нам нужно лишь вернуться к нашему первому предположению об уничтожении половины или части денежной массы. Мы выяснили, что немедленным последствием такого события было бы привлечение равной суммы из всех соседних королевств. По-видимому, природа экономики такова, что на практике не ограничивает возможностей создания запасов. Маленький город, такой как Женева, продолжая следовать этой политике на протяжении столетий, мог бы сосредоточить в своих руках девять десятых всех денег Европы. В действительности, по-видимому, в природе человека заложено непобедимое противодействие такому безмерному росту богатства. Слабое государство с непомерной казной вскоре станет жертвой какого-либо бедного, но более сильного соседа. Великое государство могло бы расточить свое благосостояние в опасных и плохо согласованных проектах и, возможно, уничтожить вместе с ним то, что гораздо более ценно — промышленность, мораль и численность населения. Жидкость в этом случае, поднимаясь чересчур высоко, разрывает и разрушает сосуд, в котором она содержится; а смешиваясь с окружающей средой, вскоре достигает надлежащего уровня.

На основе этих принципов мы можем узнать, какое мнение у нас должно сформироваться в отношении этих бесчисленных препятствий, помех и податей, которые устанавливают все страны Европы в неменьшей степени, чем Англия, исходя из непомерного желания накопления денег, которые никогда не превысят определенного уровня, пока они находятся в обращении; или из плохо обоснованного страха потерять денежную массу, которая никогда не упадет ниже определенного уровня. Если что-то и может уничтожить наше богатство, так это неразумные выдумки. Но они приводят к общему отрицательному результату, который заключается в том, что они лишают соседние страны свободного сообщения и обмена, который предусмотрел Создатель, дав им почву, климат, таланты, столь отличные друг от друга.

Наша современная политика располагает единственным методом устранения денег — использованием бумажного кредита, и она отказывается от единственного метода их накопления — от практики создания запасов, однако использует сотню уловок, которые не служат никакой иной цели, кроме создания помех промышленности и лишения самих себя и своих соседей общей выгоды от ремесла и природных богатств.

Тем не менее, не все налоги на иностранные товары следует рассматривать как вредные или бесполезные, а только те, которые базируются на уже упомянутой подозрительности. Налог на немецкое полотно поощряет отечественных производителей и таким образом пре-

умножает наше население и промышленность. Налог на бренди увеличивает объем продаж рома и поддерживает наши южные колонии. И поскольку необходимо устанавливать подати для поддержки правительства, то может быть удобнее устанавливать их на иностранные товары, которые легко перехватить в порту и подвергнуть обложению этими податями. Однако мы должны всегда помнить максимум доктора Свифта, что в арифметике таможи два и два не дает в ответе четыре, а зачастую дает только единицу. Едва ли можно сомневаться, но если бы пошлины на вина были ниже на треть, они бы приносили правительству гораздо больше, чем сейчас. А наши граждане посредством этого могли бы позволить себе пить более хороший и более полезный ликер; и для торгового баланса, к которому мы столь ревностно относимся, не было бы никакого вреда. Производство пива за пределами сельскохозяйственных районов весьма незначительно и дает работу немногим людям. Перевозка вина и зерна была бы не намного хуже.

Но разве не часто мы сталкиваемся со случаями, скажете вы, когда государства и королевства, которые ранее были богаты и обильны, становятся бедными и нищими? Разве не ушли из них деньги, которыми они ранее были переполнены? Я отвечаю, что если они теряют свою торговлю, промышленность и население, то не смогут они и сохранить золото и серебро, поскольку эти благородные металлы будут пропорциональны ранее упомянутым преимуществам. Когда Лиссабон и Амстердам перехватили торговлю с Западной Индией у Венеции и Генуи, они также получили прибыль и деньги, которые получались в результате этой торговли. Когда правительство переезжает на новое место, когда дорогостоящие армии находятся на известном расстоянии, когда иностранцы владеют значительными средствами — из этих причин естественно следует сокращение денежной массы. Но это, как мы можем заметить, принудительные и насильственные методы устранения денег, и они обычно связаны с перевозкой людей и промышленности. Но когда все это сохраняется неизменным, и отток не продолжается, деньги всегда найдут дорогу обратно по сотням каналов, о которых мы не имеем представления и даже не подозреваем. Какие огромные богатства были потрачены столь многими странами во Фландрии после революции в ходе трех длительных войн! Возможно, больше денег, чем половина того, что сейчас имеется в Европе. Но что стало теперь? Разве они находятся в узком кругу австрийских провинций? Конечно, нет: большая часть вернулась в те несколько стран, откуда они пришли, и последовала за ремеслом и промышленностью, с помощью которых сначала эти деньги были приобретены. Около тысячи лет деньги Европы текли в Рим открытым и ощутимым потоком. Но Рим опустел через множество секретных и невидимых каналов. И отсутствие промышленности и торговли в настоящее время сделало папскую область беднейшей территорией во всей Италии.

Итак, правительство имеет вескую причину, чтобы бережно сохранять население и промышленность. Деньги оно может спокойно доверить обычному ходу дел без опасений или подозрений. Или даже если оно уделяет внимание этому обстоятельству, оно должно делать это лишь в той мере, в какой это влияет на население и промышленность.

О подозрительности в торговле

Сделав попытку устранить плохо обоснованные подозрения, которые преобладают среди экономически развитых стран, считаю уместным упомянуть еще одни подозрения, которые выглядят также обосновательно. Ничто так не распространено среди государств, которые

добились некоторого прогресса в экономике, как способность с подозрением смотреть на прогресс их соседей и рассматривать все участвующие в торговле государства как соперников, а также уверенность в том, что ни одно из них не может процветать, кроме как за их счет. Вопреки этому одностороннему и вредному мнению, я рискну утверждать, что рост богатства и торговли в одной стране не наносит вред, а обычно способствует росту богатства и торговли во всех соседних странах; и что государство едва ли может далеко продвинуться в торговле и промышленности, если все окружающие страны погрязли в невежестве, лени и варварстве.

Что промышленность некоей страны не может пострадать от процветания ее соседей — очевидно; и поскольку торговля, несомненно, — наиболее важная в любом обширном королевстве отрасль экономики, это уводит нас далеко от всяких поводов для подозрительности. Но я иду еще дальше, и отмечаю, что если между народами сохраняется открытое сообщение, промышленность каждой страны не может достигать роста иным образом, кроме как за счет роста экономики в других странах. Сравните положение Великобритании в настоящее время с тем, что было два столетия назад. Все ремесла в сельском хозяйстве и промышленности были чрезвычайно грубыми и несовершенными. Все улучшения, которых мы достигли с тех пор, стали результатом нашего подражания иностранцам; и поэтому мы должны почитать счастьем, что они ранее нас достигли прогресса в ремеслах и талантах. И это общение до сих пор сохраняется к большому нашему преимуществу. Несмотря на развитое состояние нашей промышленности, во всех ремеслах мы ежедневно принимаем изобретения и усовершенствования наших соседей. Товары первоначально импортировались из-за границы к нашему большому неудовольствию до тех пор, пока мы считали, что это изымает у нас наши деньги. Потом к нашей видимой выгоде постепенно импортировалось и само ремесло. Но и после этого мы еще продолжаем роптать, что наши соседи обладают ремеслом, промышленностью, изобретениями, забывая, что если бы они первыми не научили нас, мы бы до сих пор оставались варварами. И если бы они не продолжали развиваться, то ремесла должны были бы упасть до жалкого состояния и лишиться бы духа соперничества и новшеств, которые столь способствуют их развитию.

Рост отечественной промышленности закладывает основу для внешней торговли. Если создается большое число товаров для внутреннего рынка, всегда найдутся такие, которые можно экспортировать с выгодой для себя. Но если наши соседи не имеют ремесла или не занимаются культивированием растений, они не могут взять наши товары, поскольку им нечего дать взамен. В этом отношении государства находятся в том же положении, что и отдельные лица. Один человек вряд ли будет трудолюбивым, если все его сограждане ленивые. Богатство нескольких членов общества способствует росту моего богатства, какой бы профессией я ни занимался. Они потребляют продукт моего труда и позволяют мне получать взамен продукт их труда.

Ни одно государство не должно лелеять опасения, что его соседи добьются улучшений во всех ремеслах и промышленности в такой степени, что не будут нуждаться в этом государстве. Природа, наделяя различные народы разнообразными талантами, климатом и почвой, защитила их взаимное общение и торговлю, пока они все остаются трудолюбивыми и цивилизованными. Кроме того, по мере того, как в одном государстве растет ремесло, растут и потребности со стороны его трудолюбивых соседей. Жители, становясь богатыми и искусными, желают иметь все самые лучшие товары, и поскольку они имеют в изобилии

товаров, которые могут обменять, они осуществляют импорт из всех зарубежных стран в большом объеме. Так промышленность народов, у которых импортируются товары, получает импульс. Но и масштабы внутренней промышленности государства также растут за счет продажи товаров, которые оно дает взамен.

Но что если у государства есть некий основной товар, такой, как шерстяная мануфактура в Англии? Разве препятствия, устанавливаемые нашими соседями в отношении этого товара, не должны принести нам убытки? Я отвечаю, что когда какой-либо товар является признанным основным продуктом королевства, предполагается, что это королевство обладает некими особыми природными преимуществами для создания этого товара. А если, несмотря на эти преимущества, она теряет такой товар, она должна винить только свою лень или плохое правительство, но не промышленность своих соседей. Следует также учесть, что при росте промышленности в соседних странах потребление каждого конкретного товара также увеличивается; и хотя на рынке появляются иностранные товары, спрос на их продукцию может сохраняться или даже увеличиваться. А если он сокращается, следует ли считать последствия этого столь фатальными? Если дух промышленности сохранился, она может легко перейти из одной отрасли в другую; и производители шерсти, к примеру, смогут производить льняные, шелковые ткани, железо или иные товары, на которые будет спрос.⁴ Не следует понимать это так, что все объекты промышленности будут исчерпаны или что наши производители, пока они будут оставаться на равных с производителями соседних стран, будут подвергаться опасности нехватки рабочей силы. Соперничество среди стран-конкурентов служит скорее цели поддержания промышленности во всех этих странах. Любой народ будет более счастливым тогда, когда будет обладать множеством отраслей промышленности, нежели когда у него есть одна, хоть и крупная отрасль, в которой занято все население. Тогда положение народа будет менее рискованное, и он будет чувствовать себя в меньшей опасности, что касается революций и неопределенности, которым всегда будет подвергаться единственно существующая отрасль экономики.

Есть только одно государство, которое должно опасаться роста и развития промышленности своих соседей. Это государство — Голландия, не имеющая ни земли и не обладающая какими-либо природными ресурсами, однако процветающая только за счет того, что является брокером, агентом и перевозчиком для других стран. Ее народ может, естественно, опасаться, что, как только соседние государства осознают и будут преследовать свои интересы, они возьмут в собственные руки управление своими делами и лишат брокеров той прибыли, которую они ранее получали за их счет. Но хотя этого последствия, разумеется, и можно опасаться, его реализация займет много времени; и с помощью ремесла и промышленности его можно оттянуть на много поколений или даже полностью избежать. Преимущества превосходных запасов и сообщения настолько велики, что их трудно перевесить чем-либо; и поскольку объем сделок растет за счет роста промышленности в соседних государствах, даже те народы, чья экономика основана на такой ненадежной основе, как голландская, могут сначала получать значительную прибыль от процветания своих соседей. Голландцы, закладывая свои доходы, не показывают такие данные в политических делах, как раньше; но состояние их экономики,

⁴ В упоминавшемся контексте отвлечения ресурсов, по-видимому, рассматривается некое производство на экспорт. В другом месте Юм доказывает, что в условиях полностью развитой экономики внутренний спрос сам по себе был бы достаточным для поддержания занятости. См. также стр. cviii — мнение Адама Смита по этому вопросу.

определенно, равноценно состоянию экономики в середине прошлого века, когда они считались одной из величайших сил в Европе.

Если бы наши узко мыслящие и злобные политики достигли успеха, мы должны были бы довести все соседние страны до такого же состояния лени и невежества, которое господствует в Марокко и на побережье Северной Африки. Но каковы были бы последствия этого? Они не смогли бы посылать нам никакие товары. Они не могли бы ничего взять у нас. Наша экономика сама по себе ослабела бы из-за отсутствия соперничества, примеров для подражания и без наставлений. И мы сами вскоре бы дошли до такого же жалкого состояния, до которого мы довели сначала их. Поэтому я рискну заявить, что не только как человек, но и как британский подданный я молюсь о процветании экономики Германии, Испании, Италии и даже Франции. Я по крайней мере убежден, что Великобритания и все эти страны процветали бы еще больше, если бы их суверены и министры приняли более открытое и благожелательное отношение друг к другу.

Из письма к Монтескье

Вот основные мои аргументы, которые я представляю Вашему вниманию: Обилие золота и серебра в государстве очень выгодно для него по сравнению с соседними государствами, поскольку иноземцы будут обменивать на них свои товары и труд. Но в отношении внутренней экономики это обилие золота и серебра не дает никакого преимущества. Напротив, оно увеличивает стоимость рабочей силы и мешает экспорту. Бумажные деньги обладают теми же недостатками, что и монеты, и при этом не имеют ни одного из их преимуществ.

По-видимому, мы в Англии слишком беспокоимся о торговом балансе. Дефицит баланса вряд ли может достигнуть такой точки, когда он нанесет значительный вред стране. Если половина денег Англии внезапно была бы уничтожена, труд и товары сразу бы стали намного дешевле, в результате чего произошло бы увеличение объема экспорта, что привлекло бы к нам деньги всех наших соседей. Если бы та часть денег, которая находится в Англии, внезапно бы удвоилась, товары сразу же стали бы дороже, объем импорта увеличился в ущерб экспорту, и наши деньги растеклись бы среди наших соседей. Вряд ли уровень денег, как и воды, можно именить в одном месте гораздо выше или ниже существующего уровня, если сообщение открыто; этот уровень должен подниматься или опускаться пропорционально количеству товаров и рабочей силы, имеющихся в каждом государстве.